

В этот напряженный момент митрополит Кирилл III в обращенной к новгородцам грамоте призвал их к примирению с Ярославом, «который всей злобы лишается». В противном случае митрополит грозил наложить на Новгород запрещение. В результате усилий митрополита стороны пришли к соглашению.¹¹

В данном случае митрополит Кирилл выступает посредником между новгородцами и великим князем, но держит сторону Ярослава. Однако вряд ли политическая миссия русских иерархов в тот период времени определялась стремлением ко всеобщему умиротворению, как это утверждала дореволюционная историография.¹² По летописям устанавливаются те нити, которые связывали Александра Невского с Кириллом III. Очевидно, что политическая линия Александра в какой-то степени предвляла будущую ориентацию московских князей, опиравшихся в своей объединительной политике на церковь. Церковь в лице митрополита Кирилла в свою очередь поддерживала стремление великих князей к усилению своей власти. Весьма вероятно также, что позиция Кирилла в конфликте великого князя Ярослава с новгородцами была обусловлена и желанием предотвратить возникшие после смерти Александра Невского раздоры и «нестроения» и тем самым воспрепятствовать наиболее губительным из них — княжеским междоусобиям.

Есть основания полагать, что Серапион Владимирский, поставленный по инициативе митрополита на епископскую кафедру, разделял точку зрения Кирилла по вопросу о княжеских междоусобицах.

Многочисленные упреки слушателям в его «словах» направлены против различного рода общественных неполадок. Но проповедник при описании татарского погрома и его последствий не мог говорить открыто о княжеских распрях и только намекал на них.¹³ Так, стремление обличить междоусобия можно усмотреть в следующем отрывке из второго «слова»: «видя вы боляща безаконными делы . . . аще кто вас разбойник — разбоя не оставить, аще кто крадет — татбы не лишиться . . . аще кто ненависть на друга имать — враждуя не почиваеть, аще кто обидит и схватает — грабя не насытитесь».

В третьем «слове» Серапион в более прямой форме обличает общественные «нестроения»: «Злоба преможе ны, величанье възнесе ум наш, ненависть на другы вселися в сердца наша; насытьвьство имения поработи ны. . . ; акы зверье жадають насытитися плоти, тако и мы жадаем и не престанем абы всех погубити, а горькое то именье и кровавое к собе пограбити; зверье, едше, насыщаються, мы же насытитися не можем, того добывше, другого желаем».¹⁴

¹¹ ПСРЛ, т. III. СПб., 1841, стр. 61; ПСРЛ, т. X, стр. 149. Ср.: А. Н. Насонов. Монголы и Русь, стр. 114.

¹² Роль русских иерархов как «мироотворцев» на различных этапах существования церкви неоднократно подчеркивалась в трудах историков России, русской церкви и т. п. См., например: Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. II. СПб., 1842, стр. 118, 138. Е. Е. Голубинский в «Истории русской церкви» (т. II, вторая половина тома, М., 1911, стр. 24) утверждал, что Кирилл был тем же «мироотворцем», что и митрополиты домонгольского периода.

¹³ Есть мнение, что древние проповедники «воздерживались от обличения князей в церкви, чтобы не унижить их в глазах народа». В силу этой причины они ограничивались намеками о междоусобной вражде. См.: Русское проповедничество, исторический его обзор и взгляд на современное его направление. СПб., 1871, стр. 80.

¹⁴ Цитаты приведены по изданию: Е. В. Петухов. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888, прилож. II, стр. 1—15.